

SEMINARIUM: КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ЛОНГИТЮДНОГО ВРЕМЕНИ

Опыт постнеклассической публикации

Д.В. РЕУТ

Мне некогда писать этот текст. Я не хочу писать этот текст. Я не работаю над этим текстом. Этот текст совершает насилие надо мной, используя почему-то меня в качестве канала актуализации.

В ИФ РАНе завершился очередной сезон семинара В.И. Аршинова. Не будучи философским профи, Ваш покорный слуга заглядывал туда лишь в течение последнего года, и то – нерегулярно. Так и сегодня – пришлось уйти пораньше. Сбегая по широким ступеням мраморной лестницы, я думал следующее.

Интересно, какие установки давал руководитель при запуске семинара? Если они вообще были. Аршинов мог и обойтись. С него станется. Он ведь живет философией и имплицитно полагает, что так всякий человек устроен в принципе. Он мог вообще сказать: «У нас будет семинар по пятницам», – и выйти в дверь, не вдаваясь в подробности. Обозначив таким образом для участников планку по уровню стремления к развитию и самоорганизации.

Чего мог хотеть Аршинов?

Во-первых, вырастить среду для обсуждения своих текущих результатов в широком спектре направлений, включающих постнеклассику в ее теоретическом и практическом аспектах, синергетику, самоорганизацию, а в последнее время – и нанотехнологии в глобальном контексте. Семинар – мощный катализатор, специфический (диалоговый или даже полилогический) способ работы, альтернатива «индивидуальной творческой лаборатории»¹, причем не только для руководителя, но для любого действующего в нем участника.

Во-вторых, воспроизвести живую дискурс новых французов (М. Фуко, Н. Лумана, Э. Морена, П. Бурдьё...). Чтобы приблизиться к ситуации восприятия их текстов *in statu nascendi*². В свое время П.Щедровицкий предпринимал подобную попытку в организованной им Школе Культурной Политики: он предложил каждому своему студенту выбрать какого-нибудь крупного философа прошлого, основательно познакомиться с его трудами и на занятиях выступать как бы от его лица. Здесь можно констатировать сближение с современными ролевыми играми³. Ведь философский дискурс подобен музыке: он оживает в моменты его исполнения. В промежутках между ними он законсервирован в книгах. Их можно читать – как музыкант читает партитуру, обдумывать, воспроизводить в пространстве собственной мысли, но это – *другая* форма мыследеятельности.

В-третьих, реализовать альтруистическую цель выращивания философской смены.

В-четвертых, поэкспериментировать с упомянутой выше самоорганизацией.

Многие наши семинары, застывшее наследие классической европейской науки, страдают «научностью» не в лучшем значении этого слова. Пространство коммуникации там кристаллизовано иерархически, заседания есть реляции о былых достижениях, до стоящего на пьедестале докладчика не докричишься. Вопросы предлагается подавать в конце в письменном виде, чем семинар благополучно и завершается.

Здесь же было не так. Овальный стол семинарского помещения оказывался довольно «круглым», а обсуждения — острыми.

Но для формирования ЦЕЛОСТНОСТИ семинара этого недостаточно.

Руководитель избрал «демократичную» стратегию движения от наличного состава участников и доступных для приглашения лиц. Поэтому последовательность докладов представлялась случайной. Возможно, этим моделировалась «организующая случайность» и «открытость» по Э. Морену⁴, которая должна была способствовать групповой самоорганизации. И если эта групповая самоорганизация не состоялась в заметной степени, то, скорее всего, потому, что участники семинара априорно имели достаточно высокий «градус» внутренней самоорганизации, т.е. следовали собственным траекториям развития. Студентов среди участников семинара было не так уж много.

Никто не говорит, что диктатура — лучше. Наоборот, она вряд ли совместима с постнеклассическим подходом, уважающим флуктуации плывущего целеполагания участников, их методологических предпочтений и сиюминутных квазистратегий. Семинар Аршинова — это, конечно же, «неспециализированная команда» (ср. с текстом⁵).

Выделенные выше четыре группы целей могли присутствовать в различных сочетаниях, быть осознанными либо неосознанными, интерферировать и/или конкурировать между собой.

В практическом воплощении семинара каждый говорил о своем, взаимных ссылок практически не было. Предварительно ознакомиться с тезисами докладов представлялось невозможным, иногда докладчик и тема оставались неизвестными до последнего момента. Апостериорная работа с докладами также оставалась «делом рук самих утопающих», зависящим от технической оснащенности слушателей и их текущих интересов. В частности, постоянно работала видеочкамера. Интернет-сопровождение семинара отсутствовало. Совместная работа ограничивалась астрономической продолжительностью семинара, и ей просто не хватало «разбега», чтобы превратиться в работу коллективную.

В его современном состоянии семинар вряд ли можно считать коллективным или сетевым субъектом реального времени. Во всяком

случае, пока участниками не была достигнута степень осознанности, позволяющая связывать в реальном времени семинара выслушиваемые ими доклады со своим собственным движением в постнеклассической философии и/или прикладных областях. Пока это — даже не сетевой организм, а, скорее — сетевой полисубъектный конгломерат. В нем не просматривается механизм оперативного согласования целей и интересов. Видимо, механизм взаимного влияния реализуется задним числом, инерционно, с запаздыванием. Ведь при его отсутствии посещения семинара оказались бы однократными. Так и бывало с посетителями, которые по разным причинам указанного влияния не испытали. Гипотеза: семинар оказался коллективным или сетевым субъектом инфра-реального, лонгитюдного или продолженного времени.

Можно ли сказать, что семинар не достиг «критической массы» по количеству и личной мощности участников, когда начинают проявляться эмерджентные процессы — например, «кроссфertilизация» — взаимное оплодотворение научных дисциплин⁶ в лице представляющих их «игроков»? У вашего покорного слуги нет информации о фиксации подобных озарений или их отсутствия за упомянутые восемь лет.

Так что же, пока есть добротный классический научный семинар по... постнеклассическим проблемам, может быть, в этом и состоит ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ между предметом и методом, предопределяющее ограниченность развития?

Можно предложить более сложную модель феномена. В настоящее время, как известно, в науке принято выделять три базовые онтологии: классическую, неклассическую и постнеклассическую⁷, причем переход между ними не обладает нормативностью перехода на летнее или зимнее время. Субъекты различных видов деятельности или даже различные субъекты одного и того же вида деятельности могут «мирно» сосуществовать и даже взаимодействовать, принадлежать разным парадигмам. В частности, здесь: сидя за одним и тем же столом на одних и тех же стульях, участвуя в общем обсуждении, различные участники участвуют в разных семинарах: одни — в добротном классическом, другие в методологическом (неклассическом), третьи — в постнеклассическом. Классика, неклассика, постнеклассика — всего лишь атрибуты позиций участников, формирующие видимые ими аспекты реальности.

Отдаленная аналогия: в буддизме говорят о трех «измерениях» реальности: дхармакайе, самбхогакайе и нирманакайе⁸. Обычный человек пребывает в низшем из них и может обнаружить другие измерения и взаимодействовать с их обитателями лишь пройдя определенный путь и действуя посредством определенных техник в рамках определенных духовных практик. Эти ограничения не удастся обойти. Древние даосы заметили, что «когда неправильный человек использует правильные средства, правильные средства работают неправильно».

Но каков же может быть для нас, выходцев из европоцентристских традиций, идеал постнеклассического коллективного интеллектуального взаимодействия? Пожалуй, в европейской (в широком смысле) традиции, это — музыкальная джазовая *jam session*, имеющая, между прочим, афроамериканские корни.

Есть ли альтернатива в рамках немзыкальных традиций? Известны и десятилетиями практикуются, например, ОДИ⁹ и их вариации — продвинутые формы соорганизации работы больших коллективов. Там поставленная перед коллективом проблема в течение нескольких дней (в классике — порядка 9 дней полного погружения) решается параллельно несколькими группами участников, чередующих групповую и пленарную работу с обязательным предъявлением промежуточных результатов и жесткой взаимной критикой. Указанное детище СМД-методологии¹⁰ эксперты относят к порождениям неклассической онтологии, в которой акцент переносится с предмета исследования на метод. Важный момент: сама работа строится в проектном залоге, но не в исследовательском. В этом, кстати, создатель ОДИ видел ограниченность предложенной им формы. Исходная проблема привносится в ОДИ извне. Практика использования ОДИ в фундаментальной науке, в философии либо не осмыслена в достаточной степени, либо вообще отсутствует.

Заметим, что в последнее время наблюдается откат практиков и, в особенности, исследователей с указанных неклассических позиций обратно на классические. Но, может быть, СМД-подход рано сдавать в архив, несмотря на кончину его автора?

Ведь сложившееся противопоставление естественнонаучного подхода и СМД-подхода, оформившееся во времена расцвета СМД-методологии в ее противостоянии с психологией, не преодолено; оно имеет шансы к разрешению лишь на расширенном плацдарме постнеклассического мира, включающего внешний мир человека и его внутренний мир.

Продолжая намеченную указанными двумя точками¹¹ траекторию развития теоретического знания и учитывая постнеклассическую атмосферу работы, задаваемую самими стенами сегодняшнего ИФ РАН, было бы естественно использовать в семинаре постнеклассические формы работы. Это было бы достойным результатом всего предприятия. Дело тормозится всего лишь... отсутствием аналогов, на которые можно опереться.

Как известно, переход к постнеклассической онтологии связан с тем, что в поле зрения науки попали открытые и саморазвивающиеся системы. «Саморазвивающиеся системы характеризуются кооперативными эффектами, принципиальной необратимостью процессов. Взаимодействие с ними человека протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Среди исторически развивающихся систем

современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примером таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включенные в биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь, генетической инженерии), системы «человек-машина»...»¹².

Субъект приходит к пониманию, что представление об объекте существенно зависит и от его, субъекта, структуры и внутреннего состояния. Сегодня в картину мира человеку приходится включать не только внешний мир, но и свое внутреннее устройство, свой внутренний мир. Внешний и внутренний миры рядопологаются. В новой, постнеклассической онтологии внутренний мир субъекта из несущественного, вносящего помехи в «обстоятельства исследования», перерастает в существенную и даже основную часть его содержания. При этом за объектами внешнего мира остается роль реперов, шкал, средств фиксации, «переводчиков» и прочих инструментальных средств, обеспечивающих выразимость, сравнимость, воспроизводимость и «объективность» получаемых результатов.

Постнеклассические представления востребованы не только в философии и отвлеченных теоретических дисциплинах, но — в экологии, психологии, а также в практике управления, в частности, управления организационными проектами: «...организационному проекту соответствует внешний или внутренний субъект деятельности, который, наряду с предметом деятельности, меняется сам»¹³, а также в постнеклассическом консалтинге¹⁴.

Попытаемся соотнести эти положения с практикой обсуждаемого семинара и возможной трансформацией представлений его участников в область постнеклассических сессий (jam sessions), интерактивного коллоквиума и т.п. Меняются ли ментальные структуры участников семинара по его ходу? Или происходит только приращение пассивного багажа знаний? Задаются ли участники вопросом: «Стал ли я сегодня в большей степени постнеклассическим философом, чем раньше? В чем это проявляется?»?

В поисках идей для организации постнеклассической практики естественно обратиться к духовному наследию Востока. Контрапунктом упомянутой афроамериканской jam session здесь будет, например, ритуальный танец — он допускает весьма узкий диапазон личных импровизаций в рамках традиции и все же исполняет функцию скорее института очень постепенного развития, чем инструмента трансляции.

Отметим еще ряд очевидных сложностей и противоречий.

А) Восток и Запад по-разному демаркируют категориальные поля пространства человеческой активности. Запад имплицитно исходит в своих ментальных построениях из дихотомии теория-практика. Восток же видит три пути развития, причем развития духовного: 1) интуитивные озарения, 2) медитацию, она же ме-

дитативная практика, 3) интеграция достигнутых результатов медитативной практики в собственное поведение практикующего индивида. Как мы видим, сама практика понимается здесь различно, а практика в западном смысле воспринимается как принципиально неупорядочиваемая «сансара». Она вообще неинтересна духовному Востоку из-за априорной невозможности ее благого обустройства. Подчеркнем, что описываемое восточное мировоззрение не есть религия, это, скорее, «неистовое» исследование себя (ср. с текстом¹⁵).

Б) Как видно из вышеприведенной цитаты¹⁶, Запад озабочен, в основном, коллективными постнеклассическими практиками. Исключением являются, пожалуй, «медико-биологические объекты...». Они включены в практики болезни, диагностики, лечения, реабилитации. Болезнь взаимодействует со своим носителем двояко: физиологически и посредством знака — диагноза¹⁷.

На Востоке же постнеклассические практики — это, прежде всего, — практики духовные; они индивидуальны, личностны, при своем успехе они приводят к появлению зримых знаков и способностей («сидх») у практикующего. Это — направляемая многовековой традицией по определенному Пути интроспекция. Путь обладает аспектом множественности, особенности его актуализации зависят от способностей человека. Каждый волен вступить на него и пройти его самостоятельно. Коллективные практики Востока лишь усиливают эффект благодаря обмену опытом и, возможно, пребыванию в поле «коллективной энергетики» добродетельных спутников (сангхи).

В) Духовный Восток идеалистичен. Он ориентирован на индивидуальное духовное развитие, познание своего внутреннего мира, в котором можно найти отраженный во всех подробностях внешний мир. Проявления последнего Восток считает пустотными, лишенными какой-либо собственной природы.

В противоположность ему, современный Запад озабочен в первую очередь конструированием эффективных во внешнем мире коллективных субъектов, возможно, сетевых структур. Впрочем, современная когнитивная наука заявляет устами своего яркого представителя Т. Черниговской: «Для того чтобы понять, как устроен мир, надо узнать, как устроен мозг». В мозгу же, как известно, структуры, отвечающие за функционирование, подчинены структурам, отвечающим за развитие¹⁸.

Известно высказывание Н. Бора, что противоположное глубокой истине — это тоже истина. Так что же, согласно Киплингу, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда»? Но если мы вчитаемся в текст Киплинга, то увидим, что своей поэмой¹⁹ он говорил обратное: Восток и Запад находят возможность для взаимопонимания и взаимодействия на широко понимаемых общечеловеческих основаниях.

Что может послужить таким основанием в нашем случае? Может быть, базовый конструкт восточного мировоззрения — Великое таинство единства мысли, слова и тела? Любопытно, что этой триаде дословно соответствуют три пояса оргдеятельностной схемы коллективной мыследеятельности²⁰ — базовой схемы СМД-методологии. На сегодняшний день это — наиболее рельефная точка возможного сопряжения западной и восточной картин мира²¹. В ней фронтир европейской философской мысли имеет шансы сопрячься с базовым конструктом тысячелетней мудрости Востока.

Через «дупло» схемы коллективной мыследеятельности сама СМД-методология корреспондирует с принципом сложности (которого так не хватает, например, кибернетике I порядка²²). Феномен коллективной мыследеятельности, безусловно, сложен; и посредством упомянутой схемы аналитический аппарат СМД-методологии может быть сфокусирован на любом интересующем нас аспекте этого сложного феномена.

Однако вернемся к Востоку. Какие препятствия в достижении взаимопонимания видны «с Восточной стороны»? Здесь интересно привести описание следующего эпизода.

«Среди участников конференции был японский юнгианский психолог Хаяо Каван, который провел несколько лет в Цюрихе и хорошо был знаком с западным менталитетом, так же, разумеется, как и с японским. При просмотре телевизионной программы он, посмеиваясь, заявил: «Им кажется, что если у них есть переводчик, то они на самом деле общаются и понимают друг друга. Но это отнюдь не так. У них совершенно разные ракурсы». Мы попросили его разъяснить свои слова, и он сделал это, используя юнгианский подход.

Эти люди происходят из совершенно разных архетипических территорий, поэтому их метафизические предпосылки очень отличны друг от друга. Восток опирается на модель космоса с пустым центром. Мироздание возникло из пустоты как тотальный гештальт, в котором все взаимосвязано, все имеет свое место и все является одинаково важной частью целого. На Западе вы держитесь за совершенно иную, космогенетическую модель, в центре которой пребывает источник власти. Это Бог, «большой босс», сотворивший вселенную. Из этой центральной электростанции исходит иерархическая система с постепенно уменьшающейся значимостью. В мире архетипов у вас имеются разные уровни небожителей — самые высокие серафимы и херувимы, затем — персонификации власти, престолов, добродетелей и т.д., затем архангелы и наконец обычные ангелы. В природе тоже есть иерархия — низшие организмы, высшие организмы, наконец, человек, как венец творения.

...это различие в базовых метафизических допущениях окрашивает любую высказанную мысль»²³.

Осознание противоречий есть путь к их преодолению. Следует ли постнеклассический семинар проектировать, выращивать или

даже дрессировать? И если и выращивать, то – проектировать условия для этого выращивания? Сможет ли Аршинов «сделать» такой семинар, у которого сам сможет чему-нибудь научиться? Это было бы явным знаком успеха по функциональному критерию. Или следует в первую очередь заняться собой?

Почему я продолжаю писать этот текст? Наверное, меня «зацепила» пограничность ситуации. Ощущение фронта²⁴, подобное звуку полковой трубы... М. Булгаков по этому поводу говорил устами генерала Черноты: «– Да ты азартен, Парамоша?!»

Чем для меня является «круглый» стол обсуждаемого семинара (против существования которого у части участников появляются возражения)? А, может быть, и семинар в целом?

«...открытое опирается на закрытое, объединяется с закрытым. Незажженная свеча – замкнутая система, представляющая собой агломерат воска и фитиля. После зажигания воск становится резервуаром, питающим открытую систему пламени, а фитиль становится относительным инвариантом, необходимым для постоянства пламени. Водовороты обретают постоянство и определенную длительность существования, когда они упорядочивают свое движение вокруг некоторого неподвижного и стабильного, т.е. материально закрытого, элемента, такого, как камень или изгиб русла. Таким образом, мы имеем неактивный относительный «инвариант», который информирует действие; непрактический «инвариант», но который делает возможной практику; непродуктивный «инвариант», но вокруг которого водоворот осуществляет производство-самого-себя; он не реорганизует себя, но делает возможной реорганизацию, он не трансформируется, но делает возможной трансформацию. Он подобен стержню, вокруг которого вращается генеративная петля»²⁵.

Обсуждаемый семинар – инструмент, на котором я пытаюсь играть собственную партию «сложного мышления». Solo или a capella? Ответ зависит ... от настроения читателя. Существительное «читатель», к сожалению, не имеет коннотаций совершенного и несовершенного вида по аналогии с парой «спасатель» – «спаситель», «осознавание» – «осознание», или, в английском языке: «seeker» (искатель) – «finder» («находитель», хотя последний термин, по видимому, перекочевал в английский язык из французского, где он не имеет коннотации совершенности – ср.: находить и найти).

Какова же цена этой «игры» для самого исполнителя? Непрерывная трансформация собственной идентичности. Ученик Запада каждый день приобретает нечто новое. Ученик Востока ежедневно от чего-то отказывается, приближаясь к своему Изначальному состоянию. «Когда я говорю “я”, я лгу. Возьмем перцептивное “я”, нейтральное и прозрачное. Соотнесем его с интермедийным “я” – в этом качестве мое тело принадлежит мне; вернее, я принадлежу своему телу. И что мы наблюдаем? Отсутствие контакта. Бойтесь моего слова»²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – С. 350 – 381.

²В момент образования.

³История одного семинара. *Magister Ludi*. Проблемы и перспективы игры. 1996 – 2006 / Под ред. Л. Смеркович. – Казань, 2006.

⁴Морен Э. Метод. Природа природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 52, 238.

⁵Там же. – С. 34.

⁶Князева Е.Н. Эдгар Морен в поисках метода познания сложного // Морен Э. Метод. Природа природы. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 22.

⁷Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁸Зегерс М. Термины буддизма. – СПб.: Алмазный путь, 2000.

⁹ОДИ – организационно-деятельностная игра, изобретение ведущего отечественного методолога Г.П. Щедровицкого: *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Избр. труды. – М.: Школа культурной политики, 1995.

¹⁰СМД-методология – системомыследеятельностная методология, разработка Московского методологического кружка (ММК), бесценно возглавлявшегося Г.П. Щедровицким.

¹¹Классика и неклассика.

¹²Степин В.С. Теоретическое знание. – С. 631.

¹³Балашов В.Г., Заложнев А.Ю., Новиков Д.А. Проблемы управления организационными проектами. Тр. 2-й международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASС'2002)». Москва, 4 – 6 ноября 2002 г. Т. 1. – М.: Институт проблем управления РАН. – С. 122.

¹⁴www.odn2.ru.

¹⁵Гроф С., Гроф К. Неистовый поиск себя. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.

¹⁶Степин В.С. Теоретическое знание. – С. 631.

¹⁷Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.

¹⁸Бир. С. Мозг фирмы. – М.: Радио и связь, 1993.

¹⁹См.: Киплинг Р. Баллада о Востоке и Западе // Уайльд О. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь; Киплинг Р. Стихотворения. Рассказы (Библиотека всемирной литературы). – М.: Художественная литература, 1976. – С. 366 – 369.

²⁰Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 281 – 298.

²¹См.: Реут Д.В. Взаимная дополняемость Востока и Запада относительно транскультурного инварианта Мысль-Слово-Дело. Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы IV международной Кондратьевской конференции. Москва, 15 – 16 мая 2001 г. – М.: МФК, 2001. – С. 267 – 272.

²²Морен Э. Метод. Природа природы. – С. 295.

²³ *Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. Трансатлантический диалог. – М.: АСТ, 2004. – С. 79 – 80.

²⁴ Фронтир – порубежье, «... зона освоения; точнее – территория... условия которой определяются идущим на ней процессом освоения... Мы подошли к основному “родовому признаку” фронта – его *неопределенности, неустойчивости, неустойчивости*... Фронтир существует только по своим зыбким, написанным законам, иначе это уже не фронтир. У него своя логика, свои правила. Как перегретый газ нельзя описать по законам, верным для обычного газа, так и изучать фронтир надо по особым, фронтирным правилам». Фронтир – «...состояние ума...» (*Белаш Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5. — С. 75 – 89).

²⁵ *Морен Э.* Метод. Природа природы – С. 239 – 240.

²⁶ *Уэльбек М.* Возможность острова. – М.: Иностранка, 2007. – С. 15.

Аннотация

Приведены результаты реконструкции принципиальных оснований работы семинара в отделе философии науки и техники ИФ РАН. Изложение носит характер рефлексии участника семинара 2008/2009 гг. с использованием аппарата сложного мышления (в смысле Э. Морена).

Ключевые слова:

семинар, сложное мышление, сложность, Э. Морен, рефлексия, постнеклассическая онтология, постнеклассическая практика, самоорганизация, СМД-методология, ОДИ, организационно-деятельностная игра, субъект, целостность, лонгитюдное время, эмерджентность, Восток, Запад, фронтир.

Summary

Results of principal base reconstruction of seminar functioning belonging to Department of Science and Technics in Philosophy Institute of Russian Academy of Science are presented. The presentation has traits of reflexion of seminar member (2008/2009) and takes advantages of Complicated Thinking Techniques (after E. Moren).

Keywords:

seminar, complicated thinking, complexity, E. Moren, reflexion, postnonclassic ontology, postnonclassic practice, self-organization, System-thinking-activity-methodology, Organization- Activity-Game, subject, integrity, longitude time, emergency, East, West, frontier.